

ми лицами в сказках фигурируют Христос, святой Георгий, ангелы и пр. Эта деформация языческого фольклора наглядно сказывается в дошедших до нас художественных образах, как например, «Сказание о Христе, пророке Илье и святом Георгии», «Копала», «Амирани», «Сказка про Иоанна Цискари» и др.

Распространенное в народе сатирическое «шаири» (частушки) подвергалось гонениям и преследованиям не только со стороны служителей религиозного культа, но и со стороны господствующих классов. Историк времен Давида Возобновителя повествует в «Картлис-Цховреба»;¹ что «дьявольские песни, лицедейства и забавы и богопротивная хула и всякие бесчинства были уничтожены среди войска».

Принятые Давидом Возобновителем меры были направлены против антифеодальной и антихристианской изуистой литературы. Языческая и сатирическая изуистная литература была запрещена не только церковью и духовенством, но и государственной светской властью. Почву для издания государственного акта, воспрещающего языческую литературу, подготовило духовное сословие, с которым Давид Возобновитель, как мудрый политик своего времени, вынужден был в известной мере считаться.

Антирелигиозные сказки—наилучшая часть грузинского эпоса. Грузинское народное творчество дает обличительную характеристику духовного сословия. Народ осуждает и клеймит не только алчность и тунеядство духовенства, но и культовые обряды. Лучшей иллюстрацией этому служат сказки, стихотворения, сказания, пословицы, поговорки, остроты. «Возвращающийся домой из прихода поп,—повествует сказитель про встречу попа с Христом,—нес с собою в большом количестве святочные яства. По дороге к нему присоединился Христос, у которого в котомке было всего три хлеба. После долгой ходьбы путники сделали привал. Христос вздремнул. Воспользовавшись этим, поп раскрыл котомку и украл у Христа один хлеб...»

Духовенство, попы характеризуются в сказках вероломством, алчностью, неводержанностью, несоблюдением своих священнослужительских обязанностей. По гурийскому сказанию эти черты послужили причиной появления на свете медведя. «В воскресенье утром поп направлялся в церковь служить обедню. По дороге он увидел спелый инжир. Жадно смотрит поп на инжир и облизывается... По церковному уставу попу запрещено принимать какую-либо пищу до окончания обедни. Но

¹ Летопись, Грузии.

поп не утерпел, подобрал полы своей рясы, влез на дерево и прожорливо глотает спелые плоды. В это время проходил Христос. Увидев попа, уписывающего инжир за обе щеки до начала церковной службы, Христос проклял его и сказал: «Зверь ты—и превратись в зверя». Поп мигом превратился в медведя и, ворча, направился в лес».

Народ высмеивает в сказках не только духовенство, но и критически относится к Христу, ставя под сомнение его могущество. В этом отношении небезынтересно джавахетское сказание, повествующее о путешествии Христа, пророка Ильи и святого Георгия. «После долгой ходьбы спутники остановились, чтобы перекусить. Неподалеку от того места, где они сделали привал, пастух пас стадо. Путникам захотелось заполучить ягненка. К пастуху подошли сначала Илью, но безуспешно. Затем к пастуху подошел сам Христос и стал просить у него ягненка:

— Если угодно, — ответил пастух, — возьми хоть полстада, только скажи, кто ты.

— Я — твой господь-бог, творец мира.

— Увы, — ответил ему пастух, — если бы я не боялся своего бога, я бы вот этой дубиной раскроил тебе голову.

— Чем же я провинился перед тобой? — спросил Христос.

— А тем, что ты лишаешь жизни юношей, полных сил и здоровья, и заставляешь маяться на свете таких стариков, которым давно «постылила жизнь».

Широко распространенные в разных уголках Грузии фольклорные шедевры возникли, в основном, на почве творческого сотрудничества целой плеяды соавторов-сказителей. Художественно поэтические вставки, добавления, изменения, вносившиеся отдельными сказителями, постепенно обогащали сюжет сказок.

Как велика доля и роль отдельного сказителя и его индивидуальных качеств в создании сказок, можно заключить из рассмотрения различных их вариантов.

Наделенный поэтическим дарованием и художественным чутьем, сказитель вносит свою определенную лепту в произведение изустной литературы, своеобразно комбинирует мотивы, вносит в сюжетное развитие новые бытовые и приключенческие моменты, порой осовременивая действие, либо перенося его из недавнего прошлого в отдаленную эпоху, меняет стиль изложения-передачи, обогащает и прикрашивает повествование художественными фразами и образами, наделяет героев новыми чертами, поднимая их в глазах слушателей или выставляя на посмешище. Все зависит от мастерства и способностей сказите-

ля. Нередки случаи, когда сказитель дает одной и той же сказке две редакции—развернутую и короткую.

Не раз приходилось нам слушать искренние и убедительные рассказы сказителей о том, как рождалось в них увлечение сказочным эпосом, как возникала у них любовь к поэзии, как они шли к освоению народного эпоса.

Незабываемы образы этих людей, ревнителей и носителей фольклора. Вот перед нами икалтойский колхозник (Кахетия) Георгий Мрелашвили. Он рассказывает о себе: «Я—человек неграмотный, сказок в книгах я никогда не читал, а наизусть знал их много. Я мог по целым месяцам рассказывать их. Пока был молод, я обладал красноречием, считался хорошим певцом, танцором. В ту пору я быстро усваивал и запоминал стихи и сказки, я их очень любил. Много сказок я переделывал, чтобы они стали еще интересней. Заучивал я сказки всюду: в горах—у пастухов, во время работы в лесу и на поле. Часто мы собирались, устраивали соревнования: кто расскажет сказку получше, поинтересней».

Изучение современного фольклора, работа в этой области в научных экспедициях наглядно свидетельствуют, что сказочный эпос попрежнему живет в народе, не потеряв своего обаяния, своей прелести. Сказка и в наши дни продолжает оставаться одним из художественных развлечений в часы досуга в деревенском быту.

Надо отметить, что в Грузии в отдельных этнографических районах имеет место своеобразное распределение фольклорных жанров. Например, в Хевсуретии, Хеви, Мтиулетии, Тушети, Пшавии преобладает поэзия, а в Карталинии, Кахетии, Месхет-Джавахетии, Имеретии, Гурии—проза.

Манера передачи поэтических произведений значительно отличается от манеры передачи прозаических. Чтению стихотворения обычно сопутствует аккомпанемент. Сказитель выступает здесь импровизатором. В Грузии с давних времен известны следующие разновидности импровизаторов: мечонгуре (играющий на чонгури), местви́ре (играющий на стви́ри), медай́ре (играющий на бубне) и мечиануре (играющий на чианури).

При передаче сказок аккомпанемент отсутствует. Сказитель, с увлечением рассказывая фантастическую повесть, всецело завладевает вниманием слушателей.

В Кахетии и по настоящее время сохранился обычай собираться по вечерам слушать сказки.

Житель селения Икалто, Георгий Лацабидзе, рассказывает: «В длинные зимние вечера мужчины и женщины собираются в

семье одного из сельчан. Преобладают женщины, которые приносят с собою различные рукоделия. Мужчины по очереди рассказывают сказки. По окончании повествования сказителю для поощрения дают фрукты. Этот подарок носит название «сирискуда». Лучшее «сирискуда» получает тот, кто расскажет наиболее увлекательную сказку. В рассказывании сказок принимают участие и женщины. На этих вечеринках за сказками в большинстве случаев следуют стихи, игра на чонгури, пляски».

Сказки рассказываются также на храмовых праздниках, на пастбищах, на мельнице, в лесу, на полевых работах, в пути и т. д. Сказочник — всюду желанный гость. Все зовут его к себе, усаживая на почетное место.

Художественное изустное творчество является излюбленным развлечением пастухов в горах, на летних и зимних пастбищах. У каждого пастуха имеется чонгури, чианури, либо саламури. Почти каждый из них прекрасный знаток песен, «шаири», сказок. Их словесный турнир зачастую продолжается до самого рассвета. На летних кочевках, в тихие лунные вечера нередко группа пастухов соревнуется с соседней группой в рассказывании сказок, и каждая из них выставляет своего «палавани» (героя). Вот с каким лиризмом вспоминает об этих турнирах Закро из поэмы И. Чавчавадзе «Како-разбойник».

Вокруг костра,
Припоминая сказки, были,
Мы корботали вечера.
Смущали душу мне преданья,
И до сих пор живут во мне.
Они тревожили в сознании
Любовь к родимой стороне.

Обычно сказитель-крестьянин охотно отдает свой досуг, знание и опыт на утеху и развлечение соседей. Надо отметить, что в Грузии не было и до революции и нет и в наши дни профессиональных сказителей.

Сказочные сюжеты распространяются с удивительной быстротой, причем сюжет, попавший в новый район, обычно принимает местный колорит и предстает в виде нового варианта.

Сказка распространяется не только устным путем. Огромную роль в ее распространении имела и книга. Различные

сборники сказок, переведенных с иранского и греческого языков, оказали влияние на грузинский эпос.

В изустной литературе всех времен и всех стран проза занимает превалирующее место. В ряду прозаических жанров сказка стоит на первом месте, выделяясь как своим увлекательным содержанием, так и художественными достоинствами. «Что за прелесть эти сказки. Каждая есть поэма», — писал Пушкин своему брату в 1824 году. У сказок свой особый мир, с которым не сравнится ни одной отрасли поэтического творчества.

Стихия сказок — ночь. У различных народов не принято рассказывать сказки днем. Отголосок этого встречается в Грузии. Сказитель с лукавой улыбкой говорит: «Непригоже рассказывать сказку днем». А на вопрос: «почему непригоже?» — он полусерьезно, полушутливо отвечает: «У сказителя волосы поседеют».

Ночная обстановка более способствует взлету фантазии сказителя. Длинные зимние или осенние вечера — лучшая пора для сказителей. Перед ярко пылающим огнем сказитель сидит с просветленным лицом. Ровным, спокойным голосом ведет он повествование: «Шел, шел, много ли, мало ли прошел, подошел он к одной реке»... Сидящие вокруг костра слушают, затаив дыхание. Время от времени тишину нарушает потрескивание дров да шум веретена. Молодые слушатели не сводят глаз с седобородого сказителя. Взору их рисуются непроходимые горы, лесные чащи. Порой почудится, что надвигается огромное чудовище «дэви», потрясающее окрестности своей тяжелой поступью. Фантазия слушателей переплетается со сказочной обстановкой. Они уже воображают себя сказочными героями, которым приходится преодолевать огромные трудности, чтобы отыскать любимую «мзетунахи», похищенную злыми силами. Вдохновленный сказитель парит в волшебном мире, увлекая за собой слушателей, которые торопятся поскорей узнать исход всех перипетий борьбы любимого героя. Сказитель заканчивает повествование типичной концовкой:

«Я арбу тащил на горку,
Вниз она скатилась мигом.
Насладитесь в этой жизни
Счастьем, жизнью долготней,
А в раю, в загробном царстве —
Ликованием и блаженством».

Раздаются одобрительные восклицания и просьбы рассказывать еще одну сказку.

Старик-импровизатор мастерски продолжает рассказ. Одна сказка сменяет другую. Приключение следует за приключением. Разворачивается ожесточенная борьба героя с «дэви». волшебная птица «пашкунджи» стремительно несется в поднебесье. Слышится иронический смешок, когда рассказчик повествует про сластолюбца-монаха, приволокнувшего за дочерью купца и понесшего достойное наказание. Повествование продолжается...

Грузинский народный эпос — безбрежное море. Нам известна только незначительная часть его в виде записей и устной передачи, наибольшая же часть находится в недрах народа и требует собирания. Но даже тот материал, который уже опубликован или хранится в архивах в рукописном виде, дает нам возможность иметь суждение о природе грузинского сказочного эпоса, сделать его объектом научного исследования.

Классификация сказок — одна из центральных проблем сказковедения. Разработанной классификации грузинского народного эпоса пока еще не имеется. Мы считаем правильным следующее подразделение грузинского народного творчества, имеющее в своей основе изучение его с историческо-материалистической точки зрения:

I. Животный эпос, II. Волшебные сказки, III. Бытовые-новеллистические сказки, IV. Героические сказки или героический эпос, V. Легенды, VI. Анекдоты.

Такое подразделение, по нашему мнению, соответствует природе грузинского эпоса. Выдвижение животного эпоса на первый план диктуется тем, что этот жанр признан древнейшим. Надо полагать, что еще до сознания первобытным человеком возможности сделаться «оборотнем», он создал животный тотем. Художественно идеологическим отражением этого тотема являются фантастические повествования о животных. При переходе от животного эпоса к волшебным сказкам изустная литература должна была пройти известный этап. На этой переходной ступени народное творчество отразило в своих произведениях тотемическое происхождение человека и родство последнего с животным тотемом. Этот переходный момент нашел наглядное свое отображение в грузинском народном эпосе, в частности в сказках «Овечий сын», «Медвежий сын» и др.

Значительная часть сюжетов сказок имеет характер, об-

щий для всех народов. Но вместе с тем у сказок каждого народа, каждой национальности имеются свои специфические сюжеты и мотивы. Отличительной особенностью национального народного эпоса является своеобразная художественная композиция: в каком виде, в какой форме выявлена та или иная идея, какую поэтическую потенцию содержит в себе данная тема и т. п.

Сказочный эпос дает интересные иллюстрации природы Грузии и ее населения. При всей причудливости сказочного эпоса, в котором безгранична фантазия сказителя, сказки вместе с тем содержат также элементы конкретности, реальности. Творчество сказителя, словесный материал, образы и представления обусловлены местным бытом и колоритом. Сказочник вносит в свое повествование названия и характеристику известных ему гор, рек, полей, животных и растений. Его сравнения и образы основаны, главным образом, на конкретной обстановке. На этой именно почве возникли географические и этнографические элементы в грузинском эпосе.

В грузинских сказках события разворачиваются на снеговых горах, в густолиственных лесах, зеленых дубравах, фруктовых садах, виноградниках, на желтеющих нивах. Порой рисуется бурное море, которое чаще всего помогает герою в достижении намеченной цели. Отправившийся в поиски своей «мзетунахави» влюбленный переплывает море и благополучно достигает противоположного берега.

Леса и горы встречаются почти во всех сказках. Многообразие растительного царства Грузии получает художественное отображение в лексике сказок. Нередко рисуется студенный ключ, у которого усталые герои находят отдохновение и подкрепляют свои силы для дальнейших приключений. Ключевая вода обычно обладает магическо-волшебными свойствами. Родником зачастую овладевает «гвелешапи», олицетворяющий злую волю. «Гвелешапи» закрывает доступ к воде местному населению, но терпит поражение в борьбе с героями. Фигурирует в сказке также «источник бессмертия». Чтобы получить воду из такого источника, нужно преодолеть огромные трудности и препятствия.

Луга и поля, сады и виноградники, громады гор, дремучие леса—составляют фон для сюжетного развития сказок. Пройдя пешком девять гор, охотник достигает десятой—роковой горы. Убежавшая тайком из родительского дома «мзетунахави» превращается в непроходимую лесную чащу, а сопровождающий ее возлюбленный—в ее покровителя. Возвра-

шающийся после охоты дэви несет исполинское буковое дерево, а Автандил отбивается от нападения врага дубовыми ветвями. Примечательно то обстоятельство, что из древесных пород в грузинских сказках чаще всего встречаются бук и дуб, представляющие собой, по всей вероятности, пережитки культа этих пород, существовавшего с незапамятных времен.

Из животного царства большей частью в сказках встречаются лиса, медведь, волк, заяц, лев, тигр, олень, козуля, вол, буйвол, корова, конь, козел, баран, мул, осел; из птиц—орел, голубь, ястреб, коршун, ворона, крапивник, дрозд, соловей; из насекомых—блоха, муравей, пчела; из гадов—змея; земноводных—лягушка; наконец, в качестве действующих лиц выступают в сказках и рыбы.

Рельеф Грузии—горные цепи и кряжи, реки и болота—фигурирует в фантастических произведениях так же, как в реалистических повестях. Охоте, скотоводству, земледелию, виноградарству, садоводству, огородничеству и ремеслам, которыми истари занимается население Грузии, отводится виднейшее место в устном народном творчестве. Характерно, что, судя по сказкам, этими видами хозяйства занимаются не только люди, но и фантастические существа—дэви, каджи и др.

Ярко и красочно отображены в сказках быт населения, его нравы и обычаи. Побратимство, свадебные ритуалы, хлебосольство, одежда, домашняя утварь, посуда, жилые помещения—все это носит национальный отпечаток. Как на характерную особенность, укажем на обычай древней Грузии, нашедший отображение и в сказках,—просватывание жениха и невесты еще с колыбели.

Разно выглядят сюжетные записи Восточной и Западной Грузии, фиксирующие те или иные местные особенности.

Из животного царства центральными фигурами грузинского животного эпоса являются лиса, медведь, волк, лев, тигр. Лиса рисуется обычно весьма изворотливой, для нее почти никогда не бывает безвыходного положения. Часто в сказках она помогает человеку в достижении им желанной цели. Так, в одной из сказок в признательность за оказанную услугу лиса помогает мельнику в борьбе с сильнейшими дэви; она женит его на царевне и выстраивает ему роскошный дворец, не требуя за это никакой благодарности. Единственная ее просьба, с которой она обращается к человеку,—это похоронить ее в курятнике.

Медведь в сказках—тихий и незлобивый зверь, которого одурачивает подружившаяся с ним лиса. Часто медведь заво-

дит дружбу с человеком, уживается с ним и, по некоторым вариантам, похищает «мзетунахави» и женится на ней. Дети-ныши от этого брака рисуются в сказках непобедимыми героями. Здесь, повидимому, имеется отдаленный отголосок тема медведя.

Волк — ненасытный и недальновидный персонаж сказок. Идущему на богомолье в Иерусалим волку не поздоровилось по собственной глупости: баран забодал его, осел выбил копытами зубы, а вол сбросил со скалы в пропасть. Волк, подобно медведю, заводит дружбу с лисой, благодаря ее про-
~~искам попадает~~ ~~в~~ ~~вопрос~~ ~~и~~ ~~терпит~~ ~~мучения~~.

Лев — царь зверей, но его может перехитрить даже трусливый заяц. Тигр также попадает в беду из-за слабого животного — кошки, когоруку он взял под свое покровительство. «Ты моего рода и племени, но почему же ты такая маленькая и тщедушная?» — спрашивает тигр кошку. «Виною этому человек», — отвечает хитрая кошка, и тигр вместе с ней отправляется к крестьянину, чтобы расправиться с ним. Но крестьянину ловким маневром удается привязать к дереву тигра и поколотить его. Тигр убеждается, что человек сильнее всех существ, созданных природой, и он делает заключение: «Попадись я к нему в руки, я бы тоже не вырос больше кошки».

Покровительственно относящиеся к человеку домашние и дикие животные, птицы, земноводные, различные силы, а также чудодейственные предметы, создают фантастическую обстановку волшебных сказок.

Пользующийся известностью «раши» (пегас) выводится как один из вернейших друзей и помощников человека. Это крылатое существо наделено в сказках волшебными свойствами. «Раши» обладает даром предвидения и выручает человека из бед и опасных положений, отгадывает загадки, проносится с всадником через моря и горы.

Вызывает удивление то обстоятельство, что в грузинских сказках редко фигурирует собака — этот лучший друг человека.

Олень и лань являются неперенными персонажами грузинского сказочного эпоса. Нередко они олицетворяют собою «мзетунахави». Зачастую олень увлекает человека в лесную чащу, околдовывает его и, превратившись в девушку, пленяет его своими чарами.

Змея по сказкам — пособник и советчик человека, помогающий в разрешении трудных вопросов. Змее противопоставляется враг человека — «гвелешапи» («вышап»), который борется с человеком, похищает у него «мзетунахави» или, за-

владев источником, томит людей жаждой; по некоторым сказкам, «гвелешапи» даже ест людей. По внешнему виду он огромных размеров и многоголовый. Если человек убивает «гвелешапи», из его трупa вырастает горная громада, а из крови образуется море.

Активными персонажами сказок являются получеловеческие существа—дэви, враждебно относящиеся к людям. Правда, после покорения дэви оказывает человеку услуги, однако положиться на него нельзя, ибо он сохраняет свои коварные привычки. Дэви похищают женщин и обзаводятся семьей. В некоторых сказках вдова влюбляется в дэви, выходит за него замуж и замышляет убить своего сына от первого мужа. Дэви большой любитель человеческого мяса и поэтому охотится за людьми. В сказках дэви изображается земледельцем, охотником, табунщиком и др. Одолеть дэви не легкое дело. Дэви бывают трех, семи, девяти и двенадцатоголовые. По представлению народа, у дэви три души в виде птиц: силы, разума и жизни. Птицы помещены в коробке, а коробка находится в голове страшного кабана. Если отсечь головы этим птицам, дэви тотчас же погибнет.

По языческому представлению народа существуют три мира: верхнее небо («зеца», «зескнели»), среднее небо или земля («гарескнели») и подземелье или преисподняя («квескнели»). Человек живет во всех трех мирах, но постоянным его обиталищем является земля. Человек, попавший в преисподнюю, может выбраться обратно на землю лишь с помощью легендарной птицы—«пашкунджи». Эта птица—доброе существо, которое, в признательность за спасение ее птенцов от «гвелешапи», сажает человека на свои крылья и вывозит его из подземелья. «Пашкунджи» вместе с тем обладает даром врачевания. Стоит провести ее пером по ране, как последняя бесследно исчезает. Роль средства передвижения вместе с «пашкунджи» выполняют орел и птичка-невеличка.

Мертвая природа в сказках—камень, земля, горы—одушевлена и наделена даром речи. Целый ряд неодушевленных предметов выполняет волю человека. Для перемещения с одного места на другое человек использует «ковер-самолет»; в чудодейственном превращении ему помогают плетень, лоза, скатерть, пест, бутылка с водой, иголка... Человека исцеляют и воскрешают «источник бессмертия», молоко зверя, слеза, рыба или детская кровь, материнское сердце. Человек делается невидимым с помощью «шапки-невидимки», обогащается при посредстве волшебного драгоценного камня.